

На кафедре археологии
ЛГУ

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

СЕВЕРНАЯ РУСЬ И ЕЕ СОСЕДИ
В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Межвузовский сборник

Издательство Ленинградского университета
Ленинград, 1982

О ДВУХ ТИПАХ ПОСТРОЕК ТИМЕРЕВСКОГО СЕЛИЩА

Постройки раннего железного века на территории Ярославского Поволжья хорошо известны по материалам раскопок городища Березняки и Попадьянского селища.¹ Жилые и хозяйственные сооружения древнерусского времени XI—XIII вв. изучены на поселениях городского и сельского типа в Ярославле, Ростове, на селищах Золоторучье, Грехов Ручей.² Но постройки IX—начала XI вв.— периода формирования древнерусского государства и народности— до последнего времени не были известны на территории Ярославского Поволжья, поскольку оставались неисследованными сами поселения этого времени. Раскопки поселения у с. Большое Тимерево в 12 км от Ярославля, проводившиеся в 1974—1977 гг., в какой-то мере позволяют заполнить этот пробел в представлениях исследователей о демостроительстве IX—XI вв. в Ярославском Поволжье.

Характеристика Тимеревского комплекса, включавшего в себя неукрепленное поселение, курганный могильник и клад арабских дирхемов, дана в работах автора раскопок И. В. Дубова; достаточно сослаться на последнюю, опубликованную в 1978 г.³ Поэтому здесь уместно только напомнить в общих чертах топографию памятника.

Тимеревское поселение— крупный торгово-ремесленный центр на Волжском пути— располагалось на верхней террасе правого берега р. Сечки. Площадка поселения наклонная, зафиксированы перепады уровня до 1,8 м. С севера к ней примыкал курганный могильник. Общая площадь поселения определена около 10 га; культурный слой мощностью 30—40 см распахан и однороден по структуре. Материк— светлый песок, в некоторых местах глина. Все постройки, обнаруженные при раскопках, были углублены в землю. Возможно, существовали на поселении и наземные постройки, но распашка уничтожила все их остатки. В распаханном культурном слое, очевидно, исчезли и многие детали конструкций углубленных построек— остатки рухнувших перекрытий, столбовые ямы, следы несомненно существовавших на поселении заборов, плетней. Распашка в некоторых случаях искажила контуры ям, и далеко не все сооружения поддаются достоверной реконструкции. Однако даже при таком

состоянии материала удалось установить, что на поселении почти одновременно существовало около десяти типов различных построек. К одному типу при этом нами относились постройки с устойчивым сочетанием общих конструктивных признаков. Следует отметить, что остатки жилых и хозяйственных сооружений Тимеревского селища пока подверглись только предварительному изучению, которое позволяет сделать очень осторожные выводы.

Постройки IX—начала XI вв. образуют на площадке селища «гнезда»— усадьбы. Данная работа посвящена анализу двух таких комплексов, которые могут быть реконструированы с большей долей достоверности. Эти комплексы представляют интерес еще и потому, что они принадлежали, очевидно, разным группам населения.

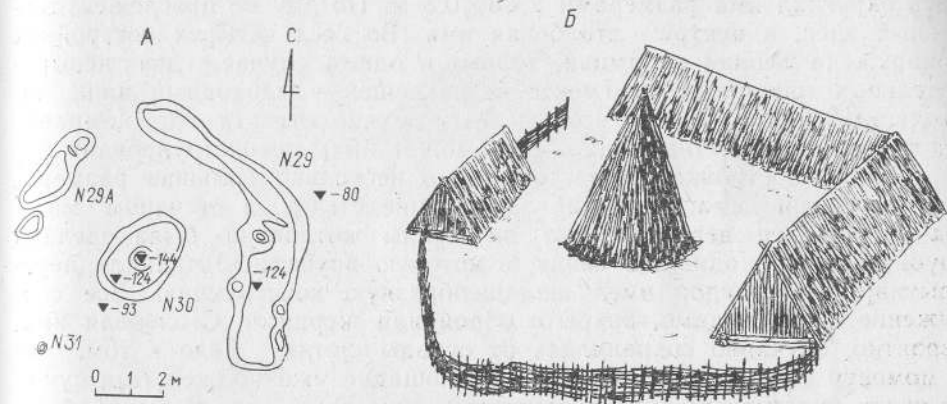

Рис. 1. Постройка с входом-коридором.

А — план остатков сооружений; Б — реконструкция.

Во время раскопок в 1975 г. были обнаружены остатки трех сооружений необычной для Ярославского Поволжья конструкции. Автор раскопок описывает их следующим образом: «...это жилища с углубленным длинным входом, служащим для сохранения тепла и снижения сырости в основном помещении. Этот вход, как правило, располагался под прямым углом к основному сооружению. Очаг из камней располагался либо сразу за входом, либо у задней стенки собственно жилища. Пол входа и жилого помещения устилался деревом».⁴ К этому краткому описанию следует добавить, что в двух случаях эти сооружения окружены мелкими хозяйственными постройками, образующими с ними единый комплекс. Наиболее интересны в этом отношении четыре постройки из раскопок 1975 г.

⁴ Там же, с. 124.

¹ Третьяков П. Н. К истории племен Верхнего Поволжья в I тыс. н. э.— МИА, 1941, № 5, с. 52—57; Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья.— МИА, 1961, № 94, с. 82—85.

² Раппопорт П. А. Древнерусское жилище.— САИ, 1975, Е1-32, с. 107—108.

³ Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX—XI веков. Л., 1978, с. 115—128.

Первая — остатки сооружения, состоявшего из основной камеры прямоугольной формы размерами $5 \times 1,8 \times 0,5$ м и входа-коридора — $7 \times 1 \times 0,3$ м, примыкавшего к ней под прямым углом. Внутри основного сооружения прослежены остатки очага и столбовые ямы, но нельзя уверенно сказать, относились ли они к перекрытиям или к каким-то конструкциям внутри постройки. На полу постройки прослежен слой древесного тлена.

Вторая постройка, располагавшаяся в 2 м западнее входа-коридора, имела размеры $3 \times 0,8 \times 0,15$ м. Очага в ней не обнаружено. В 6 м южнее нее обнаружена столбовая яма $0,2 \times 0,1$ м.

Указанные постройки, как видно на рис. 1, А, ограничивали пространство размерами примерно 6×6 м, в центре которого располагалась округлая яма размерами $2 \times 3 \times 0,5$ м. По дну ее прослежен древесный тлен, в центре — столбовая яма. Во всех четырех постройках обнаружена лепная керамика, только в одном случае — два невыразительных гончарных фрагмента, а из вещей — ледоходный шип, характерный для X в. По всем данным можно отнести этот комплекс построек к X столетию. Как же он может быть реконструирован?

Жилая постройка имела, очевидно, несколько большие размеры, чем собственно яма, учитывая заплывание стенок в песчаном материале. Наиболее вероятно, что по краям котлована была сделана срубная рама в один-два венца, в которую врубались стропила перекрытия; вход-коридор имел шалашеобразную конструкцию. Все сооружение было, видимо, покрыто корой или жердями. Столбовая яма, вероятно, случайно сохранилась от ограды-плетня. Дело в том, что к моменту сооружения построек на площадке уже должен был существовать культурный слой различной мощности; в него и были вбиты жерди ограждения, одна из которых чисто случайно вошла в материк на 10 см.

Наконец, в центре огороженного двора стояла округлая постройка, для которой можно предположить коническое покрытие на центральном опорном столбе. Назначение ее не совсем понятно, но наиболее вероятно будет предположение, что это — летнее жилище типа чума, покрытое либо корой, либо даже шкурами животных или войлоком (рис. 1, Б).

Сложен вопрос о происхождении построек с входом-коридором. Он не может быть решен только на материалах Тимеревского селения. Постройки с входами-коридорами не известны в Ярославском Поволжье ни в I тыс. до н. э., ни в I тыс. н. э., ни в древнерусское время. Они кажутся наиболее похожими на постройки Прикамья эпохи бронзы,⁵ но и там нет прямых аналогий. Прямоугольные по-

стройки с входом-коридором известны на поселении Фелелов Бор на Оке и датированы там XV—XIII вв. до н. э.,⁶ однако в данном случае территориальный и хронологический разрывы слишком велики.

Тем не менее если в один тип объединять постройки с устойчивым сочетанием конструктивных элементов (в данном случае прямоугольного помещения, коридора-входа, очага из камня и столбовых ям внутри постройки), а под традицией домостроительства понимать развитие этого типа во времени и пространстве, то можно утверждать, что постройки Фелелова Бора и Тимерева с входом-коридором относятся к одной, очень древней традиции домостроительства. Эти постройки могут и должны стать объектом самостоятельного исследования; пока можно только с большой долей вероятности предполо-

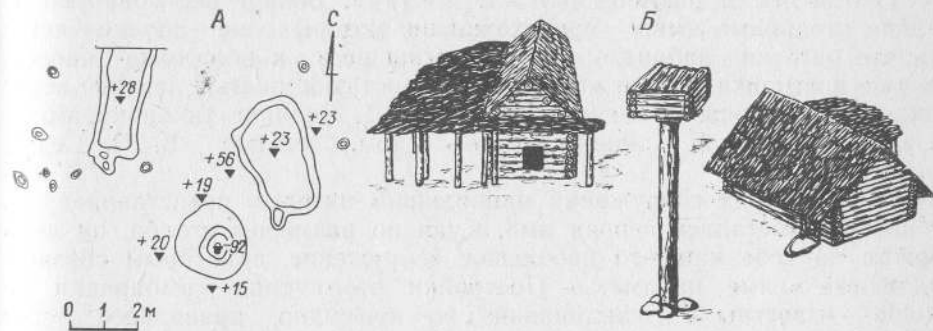

Рис. 2. Комплекс построек с амбаром на столбе.
А — план остатков сооружений; Б — реконструкция.

жить, что они принадлежали финно-уграм. Именно на территории древних финно-угров — в Прикамье, на Нижней Оке — известны пока пусть отдаленные, но единственные аналогии Тимеревским постройкам с коридором-входом.

Следует напомнить, что среди хорошо изученных построек балтов, славян, скандинавов нет аналогий постройкам с входом-коридором; в то же время, домостроительство финно-угров Верхнего и Среднего Поволжья X—XIII вв. исследовано слабо.

Совершенно иной комплекс был открыт в 1976 г. к северу от ограды, о которой уже сообщалось в работе И. В. Дубова.⁷ Это комплекс из трех ям (рис. 2, А).

Первая яма — столбовая, ступенчато-воронкообразной формы, размерами $2,03 \times 1,94 \times 1,12$ м. Дно ее плоское. Здесь был вкопан

⁵ Фоломеев Б. А. Жилища стоянки Фелелов Бор. 1. — В кн.: Археология Рязанской земли, М., 1974, с. 237—254.

⁷ Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Указ. соч., с. 120.

⁵ Бадер О. Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье. — МИА, 1961, № 99, с. 26, 67, 70, 80.

в землю мощный столб диаметром около метра. В верхней части ямы (но не на поверхности пятна) были найдены: ключ-лопаточка, стамеска, личина замка, костяная проколка, лепная и гончарная керамика, наконец дирхем Абу-ал-Малика ибн Нуха (954—961 гг.) (определение И. Г. Добровольского). Датировать яму можно, следовательно, второй половиной X в.

Вторая яма — неправильно прямоугольной формы, размерами $3,8 \times 2,1 \times 0,48$ м, с выступом, который, скорее всего, представляет собой остатки входа-ступеночки. В центре ямы зафиксирован развал очага. Находки: трубчатый замок (фрагмент), глиняное грузило, четверть дирхема Нух ибн Насра (945—959 гг.). Это сооружение синхронно яме, рассмотренной выше.

Третья имела размеры $3,57 \times 1,4 \times 0,17$ м. Вокруг нее обнаружены мелкие столбовые ямки, происхождение которых не вполне ясно: или это остатки забора, или примыкавшего к постройке навеса. Внутри постройки обнаружены неясные остатки очага, лепная керамика — развал одного сосуда. В работе Д. Селлинг такая керамика названа «местной скандинавской» (см. статью В. Н. Седых в наст. сб.).

Из всех трех сооружений наибольший интерес представляет то, от которого осталась первая яма. Судя по размерам столба, он явно держал на себе какое-то небольшое сооружение, с которым связаны найденные в яме предметы. Постройки этого типа — амбарчики на столбе — известны в Скандинавии,⁸ но очевидно, правильнее будет считать их характерными для всей Северной Европы и Прибалтики. Кроме Тимерева, кажется, такие постройки не были нигде зафиксированы археологически, что вполне понятно: они не ставились обычно на поселении, где человек жил постоянно, это — типично сезонные постройки, рассчитанные на долгое отсутствие владельца.

Что касается двух других построек, то они реконструированы как прямоугольные срубы (рис. 2, Б). Хотя, как указано выше, нельзя однозначно определить происхождение столбовых ямок у второй ямы, постройка показана с навесом, так как этот вариант кажется более правдоподобным.

Принадлежность этого комплекса построек к традициям домостроительства Северной Европы не вызывает сомнений. В Тимеревском могильнике хорошо известны погребения скандинавов, погребения с вещами североевропейских типов; так что само по себе наличие на селище построек, принадлежавших, скорее всего, выходцам из Прибалтики, удивительно. В данном случае интересно другое: амбар на столбе сам по себе позволяет предположить, что обитатели этих построек либо не жили на селище постоянно, либо часто бывали

⁸ Орфинский В. П. Деревянное зодчество Карелии. Л., 1972.

в отъездах. В пользу этого предположения косвенно свидетельствуют и находки в двух постройках из трех замков и ключа, а обнаруженные дирхемы — лишнее доказательство активного участия выходцев из Прибалтики в торговле на Волжском пути.

Итак, два рассмотренных комплекса сооружений Тимеревского селища принадлежат двум различным по происхождению группам населения. После дальнейшего изучения материалов раскопок можно будет, вероятно, более подробно осветить участие этих групп в жизни торгово-ремесленного центра. Однако уже из того, что изложено выше, следует, что с финно-угорским элементом связано по крайней мере три комплекса построек, а с североевропейской традицией всего один, состоящий из трех построек.

Что касается других построек Тимеревского селища, то ряд их конструктивных особенностей требует дальнейшего уточнения, не говоря уже о соотношении их конкретно с какими-то группами населения. Эти вопросы могут быть решены только дальнейшими исследованиями.